

УДК 347.1
ББК 67.404.0
Б 91

Л.Н. Буркова,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел. 8(8772) 52-22-14

**К вопросу о фидуциарном (доверительном) характере
гражданских правоотношений**
(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы доверительных отношений применительно к сделкам, определяются существенные признаки (основные черты) доверительных (фидуциарных) отношений.

Ключевые слова: гражданские правоотношения, фидуциарные сделки, доверительные отношения, договор, добросовестность, разумность, личный характер, чужой интерес.

L.N. Burkova,

Candidate of Jurisprudence, Associate Professor of Civil Law Department of the Adyge State University, Maikop, ph. 8 (8772) 52-22-14

On fiduciary (confidential) character of civil legal relationships

Abstract. The paper deals with questions of confidential relations with regard to transactions. The basic features of confidential (fiduciary) relations are defined.

Keywords: civil legal relationships, fiduciary transactions, confidential relations, the contract, conscientiousness, a rationality, personal character, another's interest.

Договоры, заключаемые на основе доверительных отношений, давно и прочно вошли в имущественный оборот Российской Федерации. Так, отношения гражданина практически любой страны Евросоюза и органов государственной власти строятся по модели – пользователь доверенным объектом (гражданин) и собственник, доверивший объект в фидуциарную собственность. Это означает, что государство, гарантируя определенный объем прав гражданину (в контексте нашего исследования – предоставляя право фидуциарной собственности), проявляет высшую степень доверия, обязуясь не вмешиваться в процесс «распоряжения» фидуциарной собственностью и способствовать реализации всех правомочий собственника. Гражданин, в свою очередь, обязуется не злоупотреблять своими правами, то есть распоряжаться предоставленной «фидуциарной собственностью» таким образом, чтобы не нанести ущерба ни имуществу, ни его собственнику. В условиях экономического кризиса особую ценность приобретает так называемый «социальный капитал», то есть способность совместной работы на общий социально-полезный результат.

Одной из главных составляющих социального взаимодействия является доверие между членами общества. Исследователь феномена социального доверия, американский социолог Ф. Фукуяма называет доверие между гражданами «ценным экономическим активом», то есть потенциальным источником благосостояния, стабильности и власти [1].

Таким образом, мы видим, что социальное доверие лежит в плоскости не только культурного развития общества, но и диалектически переходит в экономическую сферу, оптимизируя и уменьшая риск партнерства. В конечном итоге социальное доверие является основой жизни в гражданском обществе, приоритетом которого является частноправовое регулирование экономических отношений, на принципах равенства, экономического партнерства и содействия – элементов, составляющих гражданское доверие.

Свойства гражданско-правовых договоров, в частности, доверительный характер отношений, характерны для правовых систем, где в качестве источника права имеет силу договор, прецедент и иные не закрепленные официально нормы права, так называемые обычные источники права.

Термин *fiducia* происходит от важного для римского права понятия *fides* (вера, доверие). Римляне унаследовали вместе с греческой философией стоицизма и уважительное отношение к правилам жизни в полисе. Поэтому все отрасли римского права были построены на определенных принципах, часто выраженных одним словом.

Римское право классической эпохи знало два основания возникновения фидуциарных правоотношений. Первый юридический факт, служивший основанием заключения фидуциарного соглашения, – это заключение договора, по которому должник передавал кредитору какую-либо вещь в собственность с соблюдением клятвенной формы – *per aes et librum* – передача вещи, предмета договора, взвешивание меди, символизировавшей деньги и произнесение ритуальных фраз. Вещь передавалась в качестве обеспечения залога и возвращалась при надлежащем исполнении основного обязательства. В современной отечественной теории гражданского права такое акцессорное обязательство называется залогом.

Доверительность заключалась в том, что требование должника о возврате вещи не было защищено иском, и он полагался исключительно на добросовестность своего контрагента. По словам М. Поленак-Акимовской, при заключении этого соглашения для кредитора создавались не правовые, а лишь моральные обязательства [2].

Еще одним фидуциарным договором, существовавшим в римском праве, был договор о передаче вещи на хранение или в пользование другу, который назывался – *fiducia cum amico*. Заключая подобный договор, фидуциант передавал фидуциарию какую-либо вещь в собственность, обязывая его хранить эту вещь и вернуть ее неповрежденной. Указанный договор носил односторонний характер и создавал обязанности только для хранителя. Хранитель был обязан хранить вещь и пользоваться ей в допустимых пределах, а также вернуть ее неповрежденной в сроки, установленные договором или по требованию поклажедателя. Хранитель имел возможность требовать от поклажедателя компенсации расходов, связанных с хранением вещи. Таким образом, договор *fiducia cum amico* мог стать двусторонним договором.

Как известно, классическое римское право [3] признавало лишь те права, которые были защищены соответствующим иском. Фидуциарные договоры возникли в древнейшем римском обществе в период действия архаического права. Права, возникавшие из фидуциарных сделок, исками не защищались, были так называемыми обязательствами из «голых» пактов. Однако защитой для названных сделок было сначала общественное мнение и мораль. Лицо, нарушившее фидуциарный договор, объявлялось инфаммированным (обесчещенным) [4]. Последствия объявления лица бесчестным заключались в лишении его ряда значимых имущественных прав, например, права наследования, а также лишения процессуальных прав – например, самостоятельно участвовать в процессе или представлять интересы третьих лиц, быть свидетелем в судебном процессе. Примечателен тот факт, что сходный институт был

рецепирирован германским правом и в германских имперских законах содержались ограничения, применяемые в отношении инфаммированных лиц, подробнее данный институт будет рассмотрен ниже.

Только в республиканский период фидуциарным соглашениям была дана защита соответствующим иском – *actio fiduciae*. Путем *actio fiducia directo* защищались права кредитора (фидуцианта), а путем *actio fiducia contraria* – права должника (фидуциария).

Обязательственное право в варварских правдах также имело свои особенности. Большинство исследователей [5] сходятся во мнении, что варварское право было рассчитано на две категории субъектов воздействия – германцев и покоренных римлян. Поэтому варварские правды часто представляют собой комбинацию из указаний германцам и так называемого вульгарного римского права.

В настоящее время в гражданском праве России не существует устоявшегося определения доверительных или фидуциарных отношений, поскольку они с присущей им спецификой для целей правового регулирования специально не выделяются. Кроме того, и в российской науке гражданского права категория доверительных (фидуциарных) отношений специально не разработана.

О доверительных отношениях в гражданско-правовой науке говорится очень немного и почти исключительно в рамках договора поручения. Отмечается, что отношения сторон данного договора носят лично-доверительный характер, наиболее ярко проявляющийся в возможности одностороннего отказа от его исполнения даже без указания соответствующих причин. Вместе с этим указывается, что в близком к договору поручения договоре комиссии уже не возникает лично-доверительных отношений, что обуславливает соответствующие отличия в его правовом регулировании по сравнению с договором поручения. В правовой литературе приводится мнение, что фидуциарные (основанные на доверии) отношения не имеют распространения в российском праве, являются крайне редкими. Появление в российском праве вместе с Гражданским кодексом РФ института доверительного управления имуществом и его традиционный анализ явились, по преобладающему мнению, лишь подтверждением приведенного вывода, так как никаких лично-доверительных отношений, подобных отношениям в договоре поручения, как отмечается в литературе, между сторонами договора доверительного управления имуществом не предполагается; термин "доверительное" носит условный характер и не имеет юридического значения [6].

Между тем еще менее полувека назад О.С. Иоффе описывал доверительные отношения применительно к сделкам и выделял фидуциарные сделки в особую группу. Профессор О.С. Иоффе тогда отмечал, что фидуциарные сделки не имеют большого распространения, но при этом он раскрывал характер доверительности более широко.

Во-первых, отмечалось, что доверие составляет необходимый элемент всякой сделки. Но имеются и такие сделки, само существо которых опирается на взаимное доверие их участников. В этом смысле при сопоставлении договора купли-продажи с договором поручения видно, что контрагенты по купле-продаже могут и не знать друг друга, но если, например, у покупателя нет оснований предполагать, что продавец не управомочен на отчуждение вещи, налицо доверие, достаточное для совершения сделки. Напротив, договор поручения заключается не с любым, а лишь с тем, кого представляемый знает и которому может доверить осуществление принадлежащих ему прав и обязанностей. Следовательно, в договоре поручения элемент доверия имеет куда более существенное значение, чем в договоре купли-продажи.

Сопоставив далее договор поручения и договор комиссии, О.С. Иоффе обозначил более значимый фидуциарный характер именно договора комиссии. Ведь когда третьи лица имеют дело с чьим-либо прямым представителем (как в договоре

поручения), то заранее известно, что он действует не от своего имени, а от представляемого, и потому они (третьи лица) проверяют полномочия представителя, прежде чем вступают при его посредстве в правоотношения с представляемым. В договоре поручения, следовательно, внутренние отношения участников сделки в том же неизменном виде выступают и перед третьими лицами, и это обстоятельство несколько смягчает постановку в таких сделках вопроса о доверии к контрагенту.

В договоре комиссии комиссионер действует от своего имени, а не от имени контрагента, и потому перед третьими лицами в качестве, например, продавца (при имеющемся поручении комитента реализовать его имущество) выступает не комитент, а комиссионер. В результате отношения участников договора комиссии вовне выступают иначе, чем они складываются внутри самой комиссионной сделки. Здесь, следовательно, исключается возможность контроля со стороны третьих лиц, а потому и вопрос о доверии в таких случаях ставится особо.

В итоге, по мнению О.С. Иоффе, фидуциарной может быть названа такая сделка, которая обуславливает несовпадение между внутренними отношениями участников сделки и их внешним выражением [7].

Доверительные (фидуциарные) отношения в сделке могут, по-видимому, проявляться и по-другому, как, например, в договоре пожизненного содержания с иждивением.

Так, профессор А.П. Сергеев в отношении договора пожизненного содержания с иждивением указывает на его отличительную черту в том, что стороны договора обычно постоянно взаимодействуют друг с другом, находятся в личном контакте, следствием чего является психологический контакт и доверие, оказываемое получателем ренты плательщику. На этом основании А.П. Сергеев квалифицирует договор пожизненного содержания с иждивением как договор доверительного (фидуциарного) характера [8].

Понимание доверительности (фидуциарности) отношений, данное О.С. Иоффе применительно к договору комиссии и сформулированное А.П. Сергеевым применительно к договору пожизненного содержания с иждивением, отличаются. У А.П. Сергеева доверительными (фидуциарными) являются имеющие правовую форму длящиеся отношения личного психологического контакта и постоянного взаимодействия. У О.С. Иоффе фидуциарными являются правовые отношения, внешнее выражение которых не совпадает с внутренними отношениями их участников. При этом А.П. Сергеев использует термины "доверительные" и "фидуциарные" как синонимы, а О.С. Иоффе акцентированно использует термин "фидуциарные", хотя сутью его содержания несомненно является наличие элемента доверия. Указанное отличие в понимании доверительности отношений следует из того, что доверительность в них может проявляться многогранно. Профессором А.П. Сергеевым обращено внимание на такую грань этого проявления, содержанием которой является доверие, существующее у кредитора - получателя ренты к личности должника - плательщика в том, что последний может наилучшим образом для кредитора соблюдать существующую между ними договоренность, следовательно, доверие здесь находится в сфере мотивов вступления кредитора в правоотношения с определенным лицом и поддержания этих правоотношений. Мотивы вступления в правоотношения обычно явны и следуют из сути правоотношения, при этом, как правило, им не придается юридического значения, за исключением прямо предусмотренных законом случаев, когда имеются скрытые мотивы (например, при заключении мнимых, притворных сделок, а также при заключении сделок под влиянием заблуждения и обмана). Таким образом, доверие в правоотношении по пожизненному содержанию с иждивением является явным и третьи лица, принимая участие (например, при продаже

или обременении рентного имущества), учитывают данное обстоятельство.

Профессор О.С. Иоффе в изложенном высказывании о роли доверия в правоотношении аналогичное понимание доверительности сформулировал применительно к правоотношениям поручения (прямого представительства). Доверие в таких правоотношениях выступает их основанием, и при этом не является явным. Правовое регулирование таких отношений исходит из имеющегося основания - доверия и направлено на то, чтобы основание сохранялось, и доверие таким образом - оправдывалось. Поэтому конкретные правовые нормы, регламентирующие отношения, основанные на доверии, могут не соответствовать правовой модели внешнего проявления правоотношений, но при этом они учитывают основу отношений - их внутреннее содержание и расцениваются как обоснованные исключения-дополнения устоявшихся правил, в силу их прямого закрепления законом.

Многогранность проявления одного свойства - доверительного характера отношений и обозначение различных проявлений доверительности различными по звучанию терминами не содержит в себе самостоятельного смысла, а является случайным. Тем более что термины "доверительный" и "фидуциарный" этимологически являются полными синонимами двух языков: русского и латинского. Поэтому понятия "доверительный" и "фидуциарный" могут употребляться в одинаковом значении.

Отношения доверия определяют добросовестность и разумность поведения их участников. Современное гражданское право России использует и такой прием "каучукового" регулирования, как ссылка на требования добросовестности и разумности. Действует общее правило: если закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются (п. 3 ст. 10 ГК РФ). Кроме того, современное понятие гражданско-правовой ответственности раскрывается через понятия осмотрительности и заботливости (а не через субъективную оценку лицом своего поведения), что этимологически и функционально близко к добросовестности, разумности, доверительности.

Поскольку, как следует из смысла нормы п. 3 ст. 10 ГК РФ, требование добросовестности и разумности поведения как условие реальности гражданских прав не является всеобщим, следует предположить, что именно в доверительных отношениях требуется более высокая мера поведения. Лицо, которому оказано доверие, должно действовать в отношении тех, кто оказал ему доверие, не только честно и с наибольшей добросовестностью, но и проявлять старательность и мастерство, сообщать все известные ему существенные факты, которые могли бы влиять на отношения между ними. Права и обязанности, опосредующие данные требования, включаются в содержание доверительных (фидуциарных) отношений независимо от того, были ли они внесены в соглашение сторон, а просто в силу доверительного (фидуциарного) характера отношений.

В итоге доверительными (фидуциарными) можно называть такие правоотношения, в которых доверие одного участника к другому либо взаимное доверие участников является мотивом возникновения, существования и прекращения правоотношений. Мотив доверительности в таких правоотношениях становится как бы их дополнительным элементом, пронизывающим существо правоотношений. Этот элемент ложится в основу определения правил правового регулирования доверительных (фидуциарных) отношений.

Доверительные правоотношения, таким образом, характеризуются спецификой. С одной стороны, для них характерно использование оценочных категорий разумности,

добросовестности, старательности, заботливости, осмотрительности и т.п. Причем вытекающие соответствующие права и обязанности предполагаются включенными в содержание доверительных правоотношений, независимо от их специального закрепления.

С другой стороны, для доверительных (фидуциарных) правоотношений характерно наличие конкретных и нередко императивных норм, которые могут быть объяснены исключительным влиянием элемента доверия. Часто это императивные нормы, которые гарантируют наступление необходимого, с точки зрения поддержания доверия, результата (например, норма ст. 996 ГК РФ). Такое проявление правового регулирования внешне признает и поддерживает доверительность отношений.

В итоге можно определить существенные признаки (основные черты) доверительных (фидуциарных отношений). Это:

- как правило, личный характер;
- длящийся характер;
- взаимодействие участников, т.е. их содействие;
- несовпадение внутренних отношений участников с их внешним проявлением;
- нормативная гарантированность правового результата, обусловленного сущностным доверительным характером;
- оперирование оценочными категориями добросовестности, разумности, чужого интереса.

Примечания:

1. Фукуяма Ф. Доверие. М.: АСТ, 2006. С. 7.
2. См.: Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право (базовый учебник) / пер. с македонского В.А. Томсинова, Ю.В. Филиппова; под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 240.
3. Классический период римского права – с 27 года до н.э. по 305 год н.э. Периодизация приведена в работе Франчози Дж. Институционный курс римского права / отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2004. С. 36.
4. См.: Барон Ю. Система римского гражданского права. Кн. I. Общая часть. 3-е изд. СПб., 1909. С. 64-65.
5. См.: Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1994. С. 128-129.
6. См., например: Комментарий части второй Гражданского кодекса РФ для предпринимателей. М., 1996. С. 244; Городов О. Доверительное управление исключительными правами // Хозяйство и право. 1999. № 3, 4.
7. См.: Советское гражданское право. Т. 1 / под ред. О.С. Иоффе, Ю.К. Толстого, Б.Б. Черепахина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 166.
8. См.: Гражданское право: учебник. Ч. II / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1997. С. 147-148.

References:

1. Fukuyama F. Trust. M.: AST, 2006. p. 7.
2. See: Pukhan I., Polenak-Akimovskaya M. The Roman law (basic textbook) / transl. from Macedonian by V.A.Tomsinov, Yu.V.Filippov; ed. V.A.Tomsinov. M.: Zertsalo, 2003. P. 240.
3. The classical period of the Roman law – from 27th year BC till 305 year AD. The periodization is carried out in J. Franchozi's work «Institutional course of the Roman law» / managing ed. L.L.Kofanov. M.: Statut, 2004. P. 36.

4. See: Baron Yu. The system of the Roman civil law. Book. I. The general part. 3rd edition. SPb., 1909. P. 64-65.
5. See: Anners E. The history of the European law. M.: Nauka, 1994. P. 128-129.
6. See, e.g.: The commentary of the second part of the Russian Federation Civil Code for entrepreneurs. M., 1996. P. 244; Gorodov O. Entrusted administration of exclusive rights // Economy and the law. 1999. № 3, 4.
7. See: The Soviet civil law. V. 1 / ed. S.Ioffe, Yu.Tolstoy, B.B.Cherepakhin. L.: The LGU Publishing house, 1971. P. 166.
8. See: Civil law: a textbook. Part II / ed. A.P.Sergeeva, Yu.K.Tolstoy. M., 1997. P. 147-148.